

О ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ ДИСТАРМОНИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В.В. ЛИЗУНОВ

1. Социальная дистармония и нравственный кризис. Как показывает исторический опыт человечества, общество, в котором разрушаются духовные и нравственные основы, неизбежно деградирует. Безудержная погоня экономической элиты за прибылью и ослабление социальных институтов приводят к социальному расслоению, острым противоречиям и криминальным деформациям, финансовым кризисам и экологическим бедствиям. При усилении социальной дистармонии любые стратегические экономические проекты государства и регионов обречены на провал.

В настоящее время в связи с продолжением радикальных реформ на фоне мирового системного кризиса (финансового, политического, экологического и др.) Россия, как и другие страны мирового сообщества, сталкивается с качественно новыми, все более сложными социально-экономическими угрозами и проблемами, обусловленными внешними и внутренними факторами, поэтому важнейшей задачей для федеральных и региональных органов управления, активной части населения является консолидация социума, для чего необходимо не только развитие экономики, но и возрождение духовно-нравственных основ общества.

По словам Президента России Д.А. Медведева, в настоящее время в российском обществе потеряны нравственные ориентиры. Мы видим, в чем это выражается: отсутствуют социально контролируемые нравственные нормы на телевидении; широко известны «моральные» установки многих политиков и газет; в обществе практически потеряны понятия чести и достоинства; личная совесть оказывается недейственной без социальных норм; очевидна массовая нравственная деградация культуры; усиливается манипуляция сознанием людей и т.д.

Нравственность в широком смысле — это особая форма общественного сознания и вид общественных отношений. *Нравственность в узком смысле* — это совокупность принципов и норм поведения людей по отношению друг к другу и обществу.

В любом человеческом сообществе есть необходимость в согласовании форм жизнедеятельности и достижения различных целей. В отличие от жестко фиксированных форм регуляции (правовая,

религиозная и др.), мораль выступает в качестве «неписаного закона», эффективно реализуя свою регулятивную функцию.

В настоящее время социальное расслоение в России достигло немыслимых размеров. Децильный коэффициент (отношение уровня жизни 10% самых богатых к уровню жизни 10% самых бедных граждан) в цивилизованных странах не превышает значения 8 – 9. В России по данным, помещенным в сети Интернет, он в 2000 году был равен 24. В 2010 году, рассчитанный для Москвы и 200 компаний, он составил значение 55 – 60. В отношении отодвинутой от «праздника жизни» половины населения России политическая и экономическая элита, официальная культура и «гламурный слой» ведут себя как в отношении низшей расы. Происходит практическое устранение из массового сознания чувства сострадания к людям. Привычны стали статистика погибших и пострадавших, сообщения о «зачистках», в качестве героев сериалов выступают киллеры, романтизированные и даже эстетизированные бандиты. А.И. Солженицын говорил, что нация находится «в состоянии глубокого обморока». Конечно, это преувеличение. Но в какой степени нация осознает, что с ней происходит?

Методы управления и ведения бизнеса (предпринимательства) откровенно заимствуются из военных действий и политики — «любой ценой». *Экономическая эффективность* полностью доминирует над почти забытыми социальной, психологической, нравственной, правовой, экологической и прочими составляющими управления. Манипуляция сознанием персонала в организациях и все виды принуждения стали более предпочтительными, чем мотивация, стимулирование и убеждение. Изошренное и корыстно ориентированное «рефлексивное управление», экзотические китайские стратагемы и суггестивные речевые методики изучаются предпринимателями и применяются в управлении с помощью квалифицированных психологов. Физическое устранение конкурентов, а также более цивилизованное — с помощью «оргресурса», неправоовой перехват корпоративного контроля — «рейдерство», судебная преступность, наркобизнес, проституция, нелегальная миграция, торговля людьми, целевой подбор компромата и информационная война давно стали привычными. Одной из важнейших российских проблем, стоящих перед обществом и органами власти является проблема коррупции, которая достигла таких масштабов, что стала мощным фактором дестабилизации и существенно влияет на уровень социального и политического существования страны, значительно тормозит ее экономическое развитие.

В результате революций, радикальных реформ и нынешнего экономического кризиса Россия терпит крупнейшее национальное бедствие в мировой истории, которое носит поистине катастрофический характер. При этом анализ российских социальных катастроф показывает, что большую роль в них играет кризис отношений между обществом, властью и бизнес-сообществом¹.

2. Проблема социального партнерства. В начале XX века экономический потенциал России был практически равен американскому и прогноз развития был исключительно благоприятным. Однако, в условиях назревавшего мирового кризиса, рос конфликт между интересами рвавшегося к власти бизнеса, нередко финансировавшего террористов, и властью, стремившейся в лице политической сословной элиты сохранить за собой монопольное право распоряжаться землей и недрами. Народ же одинаково негативно относился и к власти, использовавшей репрессивные меры, и к молодой нарождавшейся бизнес-элите за склонность к неумеренной роскоши. Результатом стало крушение государства и кровопролитная гражданская война как выражение столкновения общества и тоталитарной власти.

В советское время планово-директивная экономика до определенного уровня могла удовлетворять растущие социальные стандарты качества жизни. Когда хозяйственный механизм оказался неспособным их удовлетворять, конфликт между обществом и властью вылился в новый кризис и события 1991 – 1993 гг. Авторы работы¹ полагают, что в основе разрушения социализма лежала неспособность социалистической системы создать стимулы для завершения модернизации и вступления России в постиндустриальную стадию развития. Неэффективной в России оказалась не только административно-распределительная экономика, но и сам сложившийся социально-культурный тип целостности российского общества. Нежизнеспособными оказались не только авторитарная власть, но и имперский тип системной национальной интеграции.

Процесс реформирования на всех его стадиях, начиная с апреля 1984 г. и по настоящий момент, протекал при ведущей роли власти и под ее контролем. Как правило, традиционным ответом России на вызовы времени всегда было усиление власти, то есть – использование насилия. Парадокс современности же заключается именно в том, что, как и прежде, все еще нельзя без насилия, но и многое уже невозможно с насилием. В настоящее время власть в целях реформирования общества должна формировать те или иные

условия (и определять пределы свободы) для развития хозяйства и гражданского общества. Если политическая элита, не добившись успеха в этом направлении, будет «кроить» общество и бизнес под свои интересы, это будет означать возврат к насилию как инструменту решения политических, экономических и социальных задач. В настоящее время крайне необходим переход российского общества в новое качество, в котором три главные силы развития: власть, народ и бизнес — вступят, наконец, в полноценное и полномасштабное социальное партнерство. Результатом отказа от решения этой проблемы может стать распад России как единого многонационального государства со всеми вытекающими из этого последствиями для населения и мирового сообщества.

Вопросы стратегического планирования и управления для человечества на пороге третьего тысячелетия оказались тесно связанными с проблемами устойчивого развития регионов и цивилизации в целом. Рассмотренные мировым сообществом на конференциях ООН в Рио-де-Жанейро в 1992 и 1997 гг. и на Всемирном саммите в Йоханнесбурге в августе-сентябре 2002 г., они предполагают сбалансированное развитие трех составляющих: природы, общества и экономики. Наряду с экономическими и социальными рассматриваются экологические аспекты, которые все требуют системного подхода. Эти подходы необходимы для устранения неравномерностей и диспропорций в развитии, которые ведут к обострению кризисных ситуаций.

Опыт стратегического планирования позволяет выделить несколько основных положений, имеющих важное значение для городского сообщества: 1. Стратегический план служит современным вариантом общественного договора, заключаемого между всеми участниками городского сообщества. 2. Концепция и Стратегический план выступают документами, с которыми согласуются все серьезные решения, принимаемые органами власти, представителями деловых кругов, городским сообществом, инвесторами. 3. Концепция и Стратегический план способствуют формированию представлений о городе как о целостной многофункциональной системе с потенциалом саморазвития. 4. Стратегическое планирование является механизмом для привлечения инвестиций. 5. Стратегическое планирование — необходимое условие повышения имиджа города.

В г. Омске в период с 1999 по 2002 гг. по инициативе Омского Дома ученых творческой группой специалистов была разработана «Концепция стратегического развития г. Омска», в которой был

учтен опыт создания стратегических планов и концепций ряда российских городов: Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Екатеринбурга, Тольятти, Череповца, программы «Евроград-21» и др. Она завершает более чем десятилетний отрезок в истории города Омска, связанный с попытками городского сообщества самоопределиться в выборе долгосрочной стратегии². В 1999 г. были выделены три стратегии развития города: инерционный, промышленного развития, многофункциональный. В том же году проект Концепции был рассмотрен на общегородской конференции с участием представителей других городов и регионов, Евросоюза, Государственной Думы и федеральных министерств и получил одобрение и поддержку. В декабре 2002 г. окончательный вариант Концепции был представлен общественности и рассмотрен на конференции в Администрации Омской области. В нем излагаются основные методологические и системные принципы Концепции, формулируется миссия города, проводится анализ современного состояния и перспектив развития Омска, описывается комплексная стратегия его развития: «Омск — ведущий многоотраслевой, деловой и культурный центр Сибири», приводятся рекомендации по реализации Концепции. Были учтены многочисленные замечания и дополнения специалистов органов управления и различных организаций. Концепция служит основой для формирования системы стратегического управления города Омска, разработки Стратегического плана, а также Генерального плана развития города. Положительный результат в этих процессах достигается только при тесном сотрудничестве основных субъектов — стратегических партнеров: властных структур, бизнеса, промышленности, науки, образования и населения.

То есть город должен быть корпорацией, объединяющей всех горожан для гуманитарного, экологического и экономически сбалансированного развития территории. При формировании и реализации стратегии развития города выявляются различные ресурсы, моделируются варианты городского развития, определяются «точки роста» и «черные дыры» в экономике и социальной сфере, обеспечивается взаимодействие субъектов городского сообщества, формируются механизмы организации населения. Разработка и реализации Концепции основываются на следующих группах принципов. *Принципы социального партнерства*: Гражданское согласие и мотивация населения. Баланс интересов, стратегическое партнерство. Легитимность. Ответственность. *Принципы, связанные с управлением городским развитием*: Целенаправленность.

Комплексность. Иерархичность. Многофункциональность и многовариантность. Адаптивность и минимизация рисков. Превентивность. Мониторинг. *Принципы, обеспечивающие саморазвитие города*: Интеграция и аккумуляция потенциала развития. Мотивация и стимулирование. Перманентный успех. Ориентация на человека и семью². Однако на пути реализации стратегий, формирования гражданского общества и достижения общественного согласия в России имеются значительные трудности.

3. Опасность бессубъектности в России. Причиной нарастающего потока угроз безопасности России в условиях богатейших запасов природных ресурсов, относительно высокого уровня технологий и высочайшего интеллектуального потенциала, ряд социальных психологов считает рефлексивные особенности российского общественного сознания³.

В основном, это неспособность нации осознать и рационально «исправлять» пути своего развития, вследствие доминирования социальных процессов неосознанного характера (скорее «коллективного бессознательного», чем «глубокого обморока»). И в настоящее время в результате радикальных реформ произошла «системная дезорганизация» государства и общества в целом. Известный отечественный методолог и философ В.Е. Лепский среди признаков системной дезорганизации России указывал в 2001 году⁴: 1) государство не является четко выраженным субъектом управления и развития, не сформировало стратегию развития (понимаемую и принимаемую большей частью населения), не обеспечило нормальные условия жизни своим гражданам, не обеспечило соблюдение основных конституционных прав; 2) существенную роль в управлении всеми сферами общественной жизни играют коррумпированные чиновники, криминал и другие асоциальные элементы; 3) «средний класс» и элиты атрофированы, дезорганизованы, не включены в реальные механизмы управления и развития; 4) политические партии и движения в основной своей массе имеют бутафорский характер; 5) общественные (не политические) образования слабо организованы и практически не влияют на социальные процессы; 6) граждане в подавляющем большинстве социально пассивны, имеют трудноразрешимые проблемы с самоидентификацией (государственной, этнической, семейной и др.).

Поскольку «бессубъектность» определяется главной болезнью России и его вирусом заражено государство, этносы, различные типы сообществ, индивидуумы, то необходимо принимать экс-

тренные меры по повышению степени организованности государства и одновременно становлению гражданского общества в России. Выход России из состояния «системной дезорганизации» связан с развитием рефлексивных качеств и процессов, решением проблемы становления системы стратегических субъектов: общества в целом, государства, различных элит, сообществ, активных граждан, а также созданием новых высоких гуманитарных технологий, в том числе — обеспечивающих баланс интересов и гражданское согласие, консолидацию всех здоровых общественных сил. Процессы, проходящие в России в этих направлениях, дают положительные результаты и позволяют надеяться на дальнейшие успехи⁵.

4. Рефлексивное управление. В конце октября 2000 г. в Москве в рамках Федеральной программы мероприятий по встрече третьего тысячелетия состоялся международный симпозиум «Рефлексивное управление». При поддержке администрации президента РФ этот симпозиум провели Институт психологии РАН и некоммерческое партнерство «Новая инвестиционная доктрина». Около 200 участников симпозиума, в основном ученые из России, США, Канады, Украины, Молдавии, приняли участие в работе симпозиума⁶. На симпозиуме отмечалось происходящее в России и мире осознание того, что исчерпан ресурс традиционных социальных технологий, и рассматривалось введенное более 30 лет назад членом Московского методологического кружка (ММК) Владимиром Лефевром понятие «рефлексивное управление» и связанное с ним понятие «рефлексивная система», которые оказали существенное влияние на многие естественнонаучные и гуманитарные области знаний, стали широко применяться в практике управления.

Идеи В.А. Лефевра были подхвачены как в российской, так и в американской научной среде, но использовались и развивались существенно по-разному. Американские работы находились под сильным влиянием бихевиористского подхода, использующего простую схему «стимул-реакция». В российских исследованиях просматривается интеграция этого направления с субъектным (субъектно-деятельностным) подходом. Проблемы рефлексии всегда занимали важное место в российской культуре и приобретают особое значение в настоящее время. Рефлексия в социальной психологии выступает в форме осознания действующим субъектом (лицом или общностью) того, как они в действительности воспринимаются и оцениваются другими индивидами или общностями. Поскольку рефлексия — это не просто знание или

понимание субъектом самого себя, но и выяснение того, как другие понимают «рефлектирующего», его личностные особенности, эмоциональные реакции и когнитивные (связанные с познанием) представления, то рефлексия представляет собой процесс удвоенного, зеркального взаимоотображения субъектами друг друга, содержанием которого выступает воспроизведение, воссоздание особенностей друг друга.

Рефлексивное управление (как его определяет В.А. Лефевр) — это информационное воздействие на объекты, для описания которых необходимо употреблять такие понятия, как сознание и воля. Такими объектами являются отдельные люди и объединения людей: семья, группа, страна, нация, общество, цивилизация. Термин «рефлексивное управление» может пониматься в двух смыслах. Во-первых, как искусство манипуляции людьми и объединениями людей. Во-вторых, как специфический метод социального контроля⁷. Как вид искусства рефлексивное управление имеет тысячелетнюю историю. Наиболее ярко оно проявило себя в военном деле. Имеется огромное количество примеров, когда информационное воздействие на противника позволяло выигрывать сражение малыми силами. Как метод социального контроля рефлексивное управление появилось лишь в начале 60-х годов, в период, когда начала формироваться концепция информационной войны. Специфика этого метода заключается в том, что генерация информационных воздействий опирается не столько на естественную человеческую интуицию, сколько на особую модель управляемого субъекта. Следует иметь в виду, что рефлексивное управление не связано органически ни с ложью, ни с дезинформацией. Например, чтобы жители страны поверили в истинность необычного, но правдивого правительственного сообщения, оно должно быть специально подготовлено. Успех рефлексивного управления в значительной мере зависит от качества той модели субъекта, которая используется при его проведении. Психологические модели, основанные на традиционных бихевиористских и даже психоаналитических понятиях, оказались малоэффективными. Модель субъекта должна отражать не только область его поведения, но также и его способность осознавать самого себя и других субъектов, включая и тех, которые пытаются установить контроль над его поведением, то есть модель должна быть рефлексивной. Традиционные модели этим качеством не обладали.

Первые реально работающие рефлексивные модели появились в конце 70-х годов. Их создание было активно поддержано

военными и дипломатами. Однако экономисты встретили их достаточно холодно. Интерес военных и дипломатов стимулировался способностью рефлексивных моделей представлять сложные военно-политические коллизии, ранее находившиеся вне сферы научного рассмотрения. Реакцию экономистов В.А. Лефевр объясняет следующим образом. В основе экономических моделей лежит представление о человеке как о рациональном существе, стремящемся максимизировать свою выгоду. Такой взгляд на человека уходит своими корнями в политическую экономию XVIII века. Рефлексивные модели внесли в научное представление о человеке новое измерение, связанное с такими категориями, как мораль, совесть и чувство справедливости. Они позволяют отражать ситуации, в которых люди не только стремятся получить материальный доход, но имеют и неутилитарные цели, совершают жертвенные поступки, стремятся выглядеть достойно и в своих собственных глазах, и в глазах других людей. В.А. Лефевром было показано еще в начале 1980-х годов, что могут существовать культуры двух типов. В культурах первого типа достоинство людей возрастает, когда они устанавливают отношения компромисса друг с другом, а в культурах второго типа, когда они бескомпромиссны друг к другу. В силу таких особенностей в культурах первого типа легко возникает процедура саморазрешения конфликтов, в то время как в культурах второго типа сама по себе такая процедура не появляется. Эти идеи были подробно изложены в книге В.А. Лефевра «Алгебра совести», вышедшей в 1982 году. В этой книге было показано, что официальная культура Советского Союза принадлежала ко второму типу, что приводит к отсутствию процедуры саморазрешения конфликтов: они либо заканчиваются победой одной из сторон, либо ликвидируются вышестоящей инстанцией. Этот факт представлялся В.А. Лефевру исключительно важным, поскольку он позволял предсказать характер трудностей, с которыми должно было столкнуться советское общество при попытках перехода к рыночной экономике и резкой демократизации.

Что собой представляет рынок с социально-психологической точки зрения? Это огромное множество конфликтов, каждый из которых, разрешаясь, превращается в сделку. Система могла начать успешно работать лишь при условии, что участники способны уступать друг другу, сохраняя при этом свое индивидуальное достоинство. Если же индивидуальное достоинство при уступке только падает, то рынок сам собой заработать не мог. Группа гарвардских специалистов, приглашенных для разработки проектов

российских экономических реформ, основывала свои рекомендации на теоретических идеях традиционной макроэкономики, в фундаменте которой лежит «модель рационального субъекта». В соответствии с такими взглядами, государство должно полностью устранить свое влияние на функционирование экономической системы, что и осуществлялось реформаторами. Однако, как следует из рефлексивных моделей, субъекты, появившиеся на экономической арене, оказались неспособными разрешать возникающие конфликты. Управленческий вакуум, образовавшийся после ухода государства, был заполнен криминальными структурами, которые стали выполнять функции арбитров в массовых экономических конфликтах. Государство утратило монополию на сбор налогов, а люди стали чувствовать себя глубоко униженными; началась массовая моральная депрессия. Возникающие конфликты носят в большей степени моральный, чем экономический характер, поэтому для прогнозирования необходимо создавать модели, в которых моральное измерение человека было бы представлено в ясных научных терминах⁷. Концепция рефлексивного управления успешно справляется с анализом класса управленческих ситуаций, в которых управляемый объект имеет собственные цели, отличающиеся от целей управленца. Действия такого «объекта» уже недостаточно представлять по бихевиористским схемам «стимул-реакция». Поэтому базой концепции рефлексивного управления стал конфликт, представляющий собой предельный случай ситуаций описанного типа⁸.

5. Общий язык и социальные институты. Для управления конфликтами и общественными изменениями отечественными методологами было проведено расширение левеевской концепции рефлексии, в частности, за счет введения в нее понятия социокультурного института. Для субъекта «планируемых» общественных изменений институты становятся предметом рефлексивного осознания, ставятся цели на преобразование, разрабатываются методологические подходы к рефлексивному управлению общественными процессами, основанные на сочетании анализа рефлексивных процессов и институционального анализа⁸.

Комплексный научный подход требует вернуть описанию психологических процессов управления, которые строились на схемах бихевиоризма, представляющих психику как «черный ящик», их духовное содержание. Бихевиоризм порождает кибернетические схемы управления, успешно работающие в ситуациях, когда управляемый объект не имеет собственных целей, а лишь реаги-

рует на воздействия управленца. Аппарат анализа рефлексивных процессов, успешно примененный к задачам менеджмента и конфликтологии, можно приложить к актуальным проблемам управления общественными процессами — таким, как осуществление «планируемых» изменений общественного устройства, реформирование различных сфер политической и хозяйственной жизни, институциональные преобразования и т.п.⁹

Ситуация реформирования в России все время выходит из-под контроля в полном соответствии с выводом В.А. Лефевра о том, что «объект» всячески пытается быть неадекватным знанию о нем, имеющемуся у управленца, «просчитывает» это знание и непрерывно «уходит» от него, делая его неверным. В настоящее время технологии рефлексивного управления успешно используются в рамках маркетинга и предвыборных компаний, однако в процессах реформирования общества рефлексивное управление не выходит за пределы локальных PR-акций¹⁰.

Ситуации общественных изменений (со сдвигами и преобразованиями социальной структуры), особенно в условиях поликультур, порождают социальные и культурные конфликты. Как показывает исторический опыт последних десятилетий, эти конфликтные ситуации не идут «вразнос» и становятся разрешимыми лишь тогда, когда имеются (или удастся создать) адекватные социокультурные институты, способные выполнить функцию стабилизации общественной динамики. Коллектив людей использует некоторый «общий язык», логические правила, схемы, процедуры и т.п. как средства организации общего для них процесса мышления. При этом средства имеют интересубъективный (т.е. надындивидуальный) социально-значимый характер, что дает право называть опосредуемый ими коллективный процесс мышления социально-организованным¹¹.

Можно выделить два важных типа опосредования социально-организованного процесса мышления: семиотический (знаковый) и институциональный. Институты представляют собой эффективный тип посредников и это хорошо видно на примере состязательных институтов правосудия и законотворчества, в которых характер мышления является социально-организованным и коллективным. В состязательных институтах в каждый конкретный момент интеллектуальные функции мышления, понимания, рефлексии и т.д. так распределены между участниками коллективного процесса, что вклад любого из участников является принципиально частичным, и субъектом мышления оказывается

не человек, а институт¹². Приговор выносит суд, закон принимает парламент, в которых существуют процедуры, координирующие коммуникацию участников в единый процесс¹³. Применительно к одному из важнейших правовых институтов — суду — представления об институциональном опосредовании можно развернуть в схему правового пространства состязательного суда (слой событий и свидетельств; слой суждений и интерпретаций; слой квалификаций и обоснований). Вокруг парламента, понимаемого как состязательный институт, взаимодействующий с другими «институциональными компонентами» государственной власти в рамках права, образуется сходное по структуре политико-правовое пространство (слои политических событий, политической коммуникации и легитимизации)¹⁴. Коммуникация в гражданском обществе не управляется из какого-либо единого центра и осуществляется одновременно во множестве независимых точек. Возникающие конфликты интересов разрешаются за счет введения социальных норм состязательным путем. При разворачивании дискурсов задействуются оба отмеченных выше типа опосредования — семиотический (через поиск общего языка и формирование коммуникативной среды) и институциональный (через реализацию направляющих идей в институтах) — которые теперь можно понимать как два аспекта процесса социально-организованного мышления в гражданском обществе, определяемые двумя различными подходами⁸.

6. Управление в социально-экономических системах. Очевидно, что необходимо корректировать основные представления об **управлении в социальных системах** как «воздействии субъекта на объект». Отношения при этом являются не субъект-объектными, а субъект-субъектными, при которых необходимо проводить согласование целей, интересов и ценностей обеих сторон. При этом возможны две альтернативные схемы взаимодействия субъектов различных культур: 1. Иной > Чужой > Враждебный > *Уничтожение*. 2. Иной > Дополнение > Сотрудничество > *Синтез*. Естественно, что последний этап этих схем в обществе реализуется далеко не всегда, а для реализации второго сценария прежде всего необходимо установление диалога (полилога), требующего наличия общего языка и правил (институтов), а также эффективного механизма взаимодействия. Очевидно, что необходимые ограничения свободы субъектов в процессе их взаимодействия и установления связей будут значительно зависеть от способа взаимодействия и могут привести к снижению эффективности их деятельности как

индивидуумов, но могут и привести к появлению синергетического эффекта, дающего возможность получения результата, не достижимого в процессе раздельной работы.

Поскольку рыночная экономика ни социально, ни экологически не ориентирована и подвержена кризисам, человеческая цивилизация находится в общем кризисном состоянии: как планово-директивная, так и рыночная экономика оказались неспособными к решению глобальных как экологических, так и социально-экономических проблем. Поскольку классическая экономическая теория со времен А. Смита и Д. Рикардо считает эгоистический интерес и конкуренцию единственной реальностью, на основе которой можно объяснить и предсказать поведение субъекта, то закон выживания сильнейшего считался общим законом эволюции для природы и общества. На самом деле не менее важным законом по сравнению с законом конкуренции, как в природе, так и в обществе, является закон кооперации. Поэтому «чистый рынок» не может обеспечить устойчивое развитие, поскольку устойчивость системы обеспечивается взаимозависимостью элементов и сбалансированностью процессов (в первую очередь их цикличностью). Конкуренция в условиях «чистого рынка» (при достаточном времени) неизбежно должна приводить к монополизму, так как должен выживать «наиболее приспособленный». Реально же выживает множество организмов (субъектов), в том числе и не вполне совершенных. В природных и общественных системах работает своеобразное «антимонопольное законодательство».

Биологом Г.А. Заварзиным даже сформулирован тезис «анти-рынка» в природе: «Конкуренция не служит первостепенным фактором при заполнении ячейки в пространстве логических возможностей, образуя путем наложения внешних условий на потенциальные способности живых существ к соответствию этим внешним условиям. Эволюция представляется как серия последовательно сменяющихся систем живых организмов, взаимодействие между которыми обеспечивает устойчивость всей организации»¹⁵. Человек — целостный сложный природный и социокультурный феномен и может быть лишь очень упрощенно представлен как «*homo oeconomicus*». Как участник рынка, охваченный духом «потребительского индивидуализма», он стремится к максимальному увеличению своих прибылей, но как гражданин страны, житель города, член семьи и т.д. человек имеет другие интересы и ценности, и они не могут быть реализованы через

решения, которые человек принимает как участник рынка. Необходимы коллективные решения, социально-организованная семиотическая (через поиск общего языка и формирование коммуникативной среды) и институциональная (через реализацию направляющих идей в институтах) деятельность. Наряду с проблемами глобализации и многообразием экономической жизни происходит усиление тенденций социализации и гуманизации, возрастает роль социокультурных аспектов в экономике. Повышение значимости кооперационных процессов приводит к развитию не только материального, но и управленческого труда, не только технологических, но и информационных, психологических, нравственных мотивационных составляющих, не только внешнего правового регулирования, но и внутреннего – ценностного и мировоззренческого.

Возрастает роль общественного сознания, происходит отказ от императивов неограниченного потребления, формируется новое понимание качества жизни (ее цели и полноты), развиваются процессы совершенствования общественного устройства на основе появления целостного мировоззрения, то есть формируется «гражданское общество»¹⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ НП «Экономическая экспертная группа». Общество, бизнес, власть // Альманах ассоциации независимых центров экономического анализа (2002 – 2005 гг.). – Выпуск № 10. – 2005, октябрь. – С. 203 – 221.

² Карпов В.В. Концепция стратегического развития города Омска // В.В. Карпов, А.А. Колоколов, В.М. Лебедев, В.В. Лизунов, В.И. Разумов, О.М. Рой и др. – Омск: Администрация города Омска, 2002. – 100 с.

³ Лепский В.Е. «Бессубъектность» – главный источник угроз безопасности и развития России // В.Е. Лепский, Н.И. Архипова, В.В. Кульба. Проблемы управления безопасностью сложных систем: Труды X международной конференции (Москва, декабрь 2002 г.). – Часть 1. – М.: РГГУ; МПА-Пресс. – С. 79 – 81.

⁴ Лепский В.Е. Глобальное информационное общество и информационная безопасность России: проблема становления стратегических субъектов. Материалы «круглого стола» (Москва, Институт Европы РАН, 21 марта 2001 г.). – М., 2001.

⁵ Лепский В.Е. Становление субъектности российской цивилизации: философия и постнеклассический анализ // В.И. Аршинов, В.А. Буров, В.Е. Лепский. Рефлексивные процессы и управление. Тезисы V Международного симпозиума (Москва, 11 – 13 октября 2005 г.). – М.: Институт философии РАН, 2005. – С. 23 – 25.

⁶ Лепский В.Е. Где искать истоки демографического кризиса? // В.Е. Лепский, В.А. Лефевр. Независимая газета. 2000, 22 ноября.

⁷ Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. – М.: Советское радио, 1973.

⁸ Марача В.Г. Рефлексивное управление общественными изменениями и социокультурные институты // Интернет-ресурс: <http://www.fondgp.ru/lib/mmk/41>.

⁹ Попов С.В. Методология организации общественных изменений // Кентавр. – 2001.

¹⁰ Шампань П. «Делать мнение»: новая политическая игра. – М.: Socio-Logos, 1997.

¹¹ Марача В.Г. Исследование мышления в ММК и самоорганизация методолога: семиотические и институциональные предпосылки // Кентавр. – 1997. – С. 10 – 11.

¹² Ориу М. Основы публичного права / М. Ориу. – М.: Изд-во Коммунистической академии, 1929.

¹³ Мухелишвили Н.Л. Ценностная рефлексия и конфликты в разделенном обществе / Н.Л. Мухелишвили, В.М. Сергеев, Ю.А. Шрейдер // Вопросы философии. – 1996. – № 11. – С. 6 – 7.

¹⁴ Матюхин А.А. Государство в сфере права: институциональный подход / А.А. Матюхин. – Алматы: Высшая школа права «Адилет», 2000.

¹⁵ Заварзин Г.А. Анти-рынок в природе / Г.А. Заварзин // Природа, 1995. – № 3. – С. 46 – 60.

¹⁶ Лизунов В.В. Проблемы рынка и необходимость нового мировоззрения / В.В. Лизунов. – Омск: Курьер, 2000. – 20 с.

Лизунов В.В. Проблема нравственности и социального партнерства в современной России // Национальные приоритеты России. – 2010. – № 1 (3). – С. 17 – 31.

Аннотация

В статье представлены особенности нравственного кризиса и социальной дисгармонии в России, описаны проблемы социального партнерства и опыт стратегического планирования, опасность «бессубъектности» в России и возможности рефлексивного управления, необходимость формирования общего языка и социальных институтов.

Ключевые слова: нравственный кризис, социальное расслоение, мораль, экономическая эффективность, манипуляция сознанием, коррупция, децильный коэффициент, социальное партнерство, устойчивое развитие, стратегический план, бессубъектность, конфликт, рефлексия, рефлексивное управление, состязательные институты, гражданское общество.

Summary

In article features of moral crisis and social disharmony are presented to Russia, problems of social partnership and experience of strategic planning, danger of subjectlessness in Russia and possibilities of reflective management, necessity of formation of common language and social institutes are described.

Keywords: moral crisis, social stratification, morals, economic efficiency, manipulation with consciousness, corruption, decile factor, social partnership, a sustainable development, the strategic plan, lossubjectivity, the conflict, a reflection, reflective management, competitive institutes, a civil society.